

Сарбашева Алена Мустафаевна, Узденова Фатима Таулановна

**К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье исследуется проблема взаимодействия фольклора и литературы с точки зрения преемственности традиций устной словесности и их трансформации в художественном творчестве национальных авторов, определяются основные подходы к осмыслению процессов взаимосвязи данных эстетических систем в современном литературоведении. Устно-поэтический источник рассматривается как катализаторный фактор эволюционирования профессиональной литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

лирической героини на источник поэтического вдохновения оформлены в виде риторического вопроса: «Разве жизнь – не легче и безбольней, / И сандалий не щадит песок?» [Там же, с. 9]. Поэт, по мнению Аверьяновой, преодолевает более тяжелый путь, чем пилигрим, идущий через пустыню своей души.

Таким образом, стихотворения «По имени и другом назови...», «Щит от мира, колыбель поэта...» Л. И. Аверьяновой объединены религиозными мотивами, характерными для творчества писателей XX века. Так, в стихотворениях Аверьяновой, как и в творчестве А. Ахматовой (см.: [8]), религиозные мотивы имеют культурную и идеологическую основу: имена, святыни, обращения к христианской мифологии. При этом произведения Лидии Ивановны, имея схожую метроритмическую организацию, по содержанию близки к наставлению («По имени и другом назови...») и молитве с элементами исповеди («Щит от мира, колыбель поэта...»), раскрывающими перед читателями внутреннее состояние лирической героини-поэта посредством использования писательницей тем пути, поэта и толпы, мотива одиночества.

Список литературы

1. Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений / сост. М. М. Павлова. М.: Водолей, 2011. 416 с.
2. Гумилев Н. Костер: стихи. 2-е изд. Пб. – Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 60 с.
3. Данилова И. Е. Лестница: земля – небо. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 60 с.
4. Колесникова В. С. Православный храм. Символика и традиции. М.: Олма-Пресс, 2006. 543 с.
5. Круковский А. Религиозные мотивы в произведениях русских поэтов. Историко-литературный этюд. Понежев: Типография Н. Д. Фейгензона, 1900. 49 с.
6. Кубланов М. М. Библия: Новый Завет. М.: ArfaBook, 1968. 256 с.
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. / сост. Д. Благой. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. Стихотворения 1823-1836. 416 с.
8. Руденко М. С. Религиозные мотивы в поэзии Анны Ахматовой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 66-77.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. А – Й. 703 с.

THE RELIGIOUS MOTIVES IN L. I. AVER'YANOVA'S POEMS ("CALL ME BY NAME AND A FRIEND ...", "SHIELD FROM THE WORLD, THE CRADLE OF THE POET ...")

Rodikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Moscow State University of Railway Engineering
ov.rodikova@yandex.ru

The article is devoted to the detailed analysis of the poems "Call me by name and a friend..." and "Shield from the world, the cradle of the poet..." written by L. I. Aver'yanova. As the result of the conducted research the author comes to the conclusion about the autobiographical character of the poetry and the presence in them of religious motives, which is typical for the works of the writers of the XX century. At the same time the lyrical texts are similar in metre-rhythmic organization and content: in both poems, consisting of three stanzas-quatrain, the image of a ladder, the motive of loneliness, the themes of the way, the poet and the crowd are used.

Key words and phrases: L. I. Aver'yanova; poet and the crowd; poem; religious motives; lyrical heroine; image; rhyme.

УДК 821.512.142

В статье исследуется проблема взаимодействия фольклора и литературы с точки зрения преемственности традиций устной словесности и их трансформации в художественном творчестве национальных авторов, определяются основные подходы к осмыслению процессов взаимосвязи данных эстетических систем в современном литературоведении. Устно-поэтический источник рассматривается как катализаторный фактор эволюционирования профессиональной литературы.

Ключевые слова и фразы: фольклор; литература; национальные истоки; эстетика; эволюция; традиция.

Сарбашева Алена Мустафаевна, д. филол. н., доцент
Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
kbigi@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Изучение проблем становления профессиональной художественной словесности северокавказских народов и других, составляющих полиэтничное пространство Российской Федерации в целом, свидетельствует о неоспоримой значимости фольклорного наследия в эволюционном развитии литературных традиций.

Исследование роли фольклора в формировании эстетического отношения к действительности писателей, его влияния на художественную систему (язык, сюжет, образный ряд, жанр) является одним из приоритетных

направлений отечественного литературоведения. Устное народное творчество характеризуется как основа поэтики творчества мастеров художественной словесности, как неисчерпаемый источник национальной самобытности, народного мировоззрения [11].

Заявленная тема важна одновременно как для фольклористики, так и для литературоведения. По признанию научной мысли, изучение литературно-фольклорного (фольклорно-литературного) взаимодействия, выявление форм и этапов освоения литературой традиции устной словесности определяют ее актуальность в системно-типологическом плане для отмеченных научных направлений.

Фольклор и литература – две автономные художественные системы, обладающие отличительными свойствами и вместе с тем тесно взаимодействующие друг с другом, образующие «некую общность – словесность, словесное искусство» [12].

Исследования, посвященные процессу зарождения и формирования художественной словесности северокавказских народов, свидетельствуют о влиянии фольклорных традиций на новописьменные литературы. «Взаимообогащение литературы и фольклора – одна из плодотворных закономерностей их общего развития, сохранения и приумножения основных принципов, выработанных народом на протяжении веков и оплодотворенных в современную эпоху гуманистическими идеями, – отмечает Г. Гамзатов. – Изучение этого взаимодействия, безусловно, имеет принципиальное значение и для фольклора, и для литературы» [4, с. 25]. Взаимоотношения обозначенных эстетических систем характеризуются как своеобразный синтез двух типов художественного сознания, восходящих к различным историческим эпохам. Для начального этапа литературы характерна прямая адаптация сюжетов устного народного творчества и привычных повествовательных и поэтических форм, что придавало произведениям простоту и доступность. В процессе эволюционирования художественного мышления заимствуются демократические идеи. Фольклорный контекст, интерпретируемый как «эстетически усложненный фольклоризм» [Там же, с. 27], отмечается в современной литературе.

Как показывает опыт, письменная литература достигла значительных успехов в художественном осмыслении реалий действительности, постижении внутреннего мира личности. Однако она продолжает ориентироваться на традиции фольклора, в которых воплощена национальная эстетика, выражено стилевое многообразие. Устно-поэтический источник определяется как катализаторный фактор эволюционного роста литературы. К примеру, обращение адыгского романа к первоисточкам, по мнению Ю. Тхагазитова, определяется как одна из «составных» его подъема на новый виток спирали развития [18, с. 182]. Комплексная эстетическая система народно-поэтических ценностей, сосредоточенная в фольклоре, выполняет роль «своеобразного генетического кода» национальной словесности и проявляется на всех этапах ее развития.

Неослабевающий интерес к национальным истокам в эпоху стремительной глобализации с ее неоднозначными последствиями (с одной стороны – унификация и нивелирование этнокультурных моделей (ценностей), с другой – «отмеченные процессы вызывают мощную культурную реакцию <...> значительную устойчивость историко-культурных <...> общностей и глубинную потребность человека в <...> обретении для себя той или иной коллективной культурной идентичности» [21, с. 200]) обусловлен многими факторами, и в частности – это «углубление историчного мышления, что проявляется в пристальном внимании к прошлому, <...> и своеобразное отталкивание от чрезмерно изощренной, чрезмерно запутанной и многослойной цивилизации с целью приобщиться к прочным, постоянным, “простым” основам бытия» [12].

Достойную нишу в фольклористике и литературоведении занимают труды, посвященные рассмотрению «фольклора и литературы в целостной метасистеме» [Там же], их взаимоотношений, выявлению форм и этапов освоения литературой традиций устного народного творчества, характеристике разнообразных типов фольклоризма. Понимание специфики зарождения и становления молодых литератур, осмысление характера связи художественно-эстетической системы прошлого с нарождающейся новой являются предметом изучения многих работ северокавказских ученых-литературоведов. В числе наиболее значимых – монографические исследования Л. Бекизовой [3], К. Шаззо [22], У. Далгат [7], З. Толгурова [17], Ю. Тхагазитова [18], Г. Гамзатова [4], А. Мусукаевой [13], К. Паранук [14], Т. Джамбековой [9] и др.

На современном этапе представляет особый интерес изучение взаимосвязи обозначенных художественных систем, преемственности фольклорных традиций в национальных литературах, их эстетическое значение в художественной структуре различных жанров [1; 8; 16; 20].

Изучению процесса взаимосвязи фольклора и чеченской литературы посвящена монография Т. Б. Джамбековой «Фольклор как источник чеченской прозы XX века», в которой на широком иллюстративном материале освещаются вопросы влияния фольклора на формирование и становление жанров чеченской прозы («самого значительного и объемного звена в национальной литературе») на всех этапах развития; значение фольклорной эпической традиции в духовно-нравственном и художественно-философском контексте творчества чеченских писателей. Исследование убеждает в том, что «высокие нравственные принципы, выработанные народом в веках и нашедшие выражение в его художественном сознании и духовной деятельности, легли в основу чеченской литературы, определив главные направления поисков и национальной прозы» [9, с. 14].

Абхазский исследователь А. Е. Ашуба определяет две позиции формирования взаимоотношений обозначенных эстетических систем. Первая, традиционная (ее придерживалось большинство младописьменных литератур), складывается по восходящей линии, которая начинается с освоения простых и ясных сюжетов фольклора и завершается созданием крупных эпических произведений. В подобном взаимоотношении проявляются их внешние повествовательные признаки. Вторая – имплицитная (проявляется в подразумеваемом фольклоризме, освоении в письменном художественном тексте глубинных философских, духовных, гуманистических

залежей национального устного творчества) линия, которая в зависимости от уровня писательского мастерства, таланта обнаруживается в художественном произведении [1, с. 18].

В работе Ф. Х. Гулиевой (Зануковой) «Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе» рассматривается балкарская проза XX века с точки зрения эволюции фольклорных повествовательных традиций, их трансформации в произведениях национальных писателей, особо отмечается влияние исторической прозы на становление малых жанров художественной словесности [6].

Современные исследования доказывают, что литературно-фольклорные взаимодействия не определяются какими-либо родовыми, видовыми, жанровыми или тематическими границами. Творческое «общение» двух систем обусловлено спецификой эстетических взглядов писателей, их опытом в художественной словесности [2, с. 26]. Ответственный подход к духовно-культурным истокам художественной словесности, и в особенности к фольклору, в недрах которого заложены основы практически всех жанровых форм литературы, мотивируется углубившимся национальным самосознанием, возросшим интересом к истории своего народа [19, с. 7]. Внимание исследователей привлекают прежде всего языковые, фразеологические, морфологические и синтаксические особенности жанровых форм устного народного творчества, героического эпоса различных этносов [5; 15].

Несмотря на отмеченный научно-исследовательский задел, необходимость изучения фольклорно-литературных традиций, проблемы взаимодействия обозначенных эстетических систем с точки зрения эволюции художественного сознания (мышления) в социокультурном пространстве конца XX начала XXI века очевидны. Как справедливо отмечает калмыцкий исследователь Р. Джамбинова, «...в перспективе широкие возможности исследования специфики проявления авторского начала в национальных литературах, именно в подходах к исследованию роли фольклорно-эпических традиций в литературе, духовного наследия народов России» [10, с. 34].

Таким образом, проблема соотношения устной и письменной словесности определяется как приоритетное направление в системе фундаментальных исследований современной филологической науки. Неослабевающий интерес к народным истокам, духовному наследию акцентирует исследовательское внимание на изучении вопросов трансформации основ народной эстетики, национальных эстетических ресурсов в словесном искусстве.

Список литературы

1. **Ашуба А. Е.** Фольклорные традиции в художественной структуре абхазского исторического романа // Гуманитарная мысль Северного Кавказа в общероссийском научном пространстве: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (15-17 ноября 2012 г.): в 2-х ч. Черкесск, 2014. Ч. 2. С. 18-21.
2. **Батурина Н. В.** Литературно-фольклорные взаимосвязи в русской словесности XVIII века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. 1. С. 25-28.
3. **Бекизова Л. А.** От богатырского эпоса к роману. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1974. 288 с.
4. **Гамзатов Г. Г.** Фольклор: мера историзма. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. 370 с.
5. **Гергокова (Этезова) Л. С.** Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 140 с.
6. **Гулиева (Занукова) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
7. **Далгат У. Б.** Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.
8. **Джавадова Л. Д.** Художественное воплощение национального характера и фольклорных традиций в лезгинской прозе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 178-180.
9. **Джамбекова Т. Б.** Фольклор как источник чеченской прозы XX века. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2010. 236 с.
10. **Джамбинова Р. А.** Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.
11. **Киреева Н. В.** Роль фольклорного начала в прозе Гульчеры Быковой [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_2-1_26.pdf (дата обращения: 30.04.2015).
12. **Медриш Д. Н.** Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/38273/Medrish__Literatura_i_fol%27klornaya_tradicija%2C_Voprosy_poetiki.html (дата обращения: 12.05.2015).
13. **Мусукаева А. Х.** Ответственность перед временем. Нальчик: Эльбрус, 1979. 168 с.
14. **Паранук К. Н.** Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп: Качество, 2006. 312 с.
15. **Прокопьева П. Н.** Языковые особенности исторических преданий лесных юкагиров (по фольклорным материалам конца XIX в., собранным В. И. Иохельсоном) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. 2. С. 140-145.
16. **Сарбашева А. М.** Фольклорно-этнографический компонент в художественной структуре современной балкарской драмы // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 576-580.
17. **Толгуров З. Х.** В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 288 с.
18. **Тхагазитов Ю. М.** Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 с.
19. **Узденова Ф. Т.** Жанр поэмы в литературах тюркских народов Северного Кавказа: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нальчик, 1999. 22 с.
20. **Узденова Ф. Т.** Роль фольклора в становлении поэтической традиции у карачаевцев и балкарцев (к истокам жанра) // Вестник ПГЛУ. 2009. № 3. С. 238-240.
21. **Улаков М. З.** Избранные труды. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010. 364 с.
22. **Шаззо К. Г.** Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 238 с.

ON THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN FOLKLORE AND LITERATURE IN THE MODERN LITERARY CRITICISM DISCOURSE

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
kbigi@mail.ru

In the article the problem of interaction between folklore and literature in terms of continuity of the traditions of oral literature and their transformation in the artistic creativity of national authors is studied, the main approaches to understanding the processes of interconnection of these aesthetic systems in modern literary criticism are identified. The oral-poetic source is considered as a catalyst factor of evolution of the professional literature.

Key words and phrases: folklore; literature; national sources; aesthetics; evolution; tradition.

УДК 8; 82.0

В статье рассматриваются семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» как устойчивого формально-содержательного компонента произведения и как одной из универсалий русской литературы. Выявляются претексты мотива и инварианты связанных с ним сюжетов. Раскрывается определяющая роль мотива метели в трансформации подробно разработанной в романе конкретно-исторической ситуации разрушения традиционного уклада жизни в трансцендентальную катастрофу.

Ключевые слова и фразы: «Доктор Живаго»; мотив метели и инварианты его сюжета; универсалии русской литературы; А. С. Пушкин; «Бесы»; «Метель» Б. Пастернака как претекст романа.

Скороспелова Екатерина Борисовна, д. филол. н.

Чаглыян Шакар Кюбра

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
skorospelova@gmail.com; kubra2015@inbox.ru

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ МОТИВА МЕТЕЛИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Мотив метели представляет собой устойчивый формально-содержательный компонент романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». В свете разработанного воронежскими исследователями (А. Фаустов, К. Нагина и др.) такого явления, как «универсалии русской литературы» XVIII – начала XX в. [8-13], представляется возможным, не пренебрегая традиционным подходом к исследованию семантики мотива метели в романе Пастернака, продолжить работу воронежских ученых, учтя положение мотива в контексте природно-пространственных универсалий.

Метель во множестве ее вариантов: снежная буря, вьюга, пурга – появляется в первой сцене романа как природно-космический образ, сопутствующий календарной смене времен года (перелом от осени к зиме), но введение в ее контекст образа рыдающего ребенка, оказавшегося на могиле матери наедине с враждебной ему стихией, переключает ситуацию в метафизический план. Сцена обретает смысл противоборства души с силами зла, с миром, уходящим во времена варварства, превращается в символ противостояния души собственному смятению и создает тем самым общую модель романной ситуации.

Мортальный характер кладбищенской сцены при переносе действия в монастырскую келью, где заночевали Юрий и его дядя Веденяпин, усиливается разработкой образа стихии, при создании которого Пастернак использует характерный для его поэтики прием антропоморфизации. Буря бушует, свистит, завывает, наслаждается страхом, который внушает ребенку. Возникает традиционно связываемый с вьюгой мотив бесовского действия («кусты облетелой акации метались, как *бесноватые*, и ложились на дорогу» [5, с. 8]). Бесовство охватывает мироздание: «Вьюга была одна на свете, ничто с ней не соперничало» [Там же]. Неточная цитата из «Двенадцати» вводит в роман диалог с Блоком [1, с. 347]. Отсюда с этой заснеженной, завьюженной улицы подуют блоковские ветры, вихри, бури, грозящие не преобразить мир, а «переделав все», вернуть его в состояние варварства [2, с. 12]. Мотив снежной бури станет лейтмотивом уличных сцен, от сцены к сцене наращивающим символический смысл.

Введенный Пастернаком мотив бесовства включает сцену, а с ней и роман в метельное пространство русской литературы, в котором в первую очередь обращают на себя внимание пушкинские «Бесы» [6, с. 179-180].

В «Бесах» дорога, луна, печально освещающая снег, тройка, ямщик и «однозвучный» колокольчик – эти традиционные для Пушкина детали зимней дороги погружены в метельную круговерть.

В ночной полумгле, в тусклом свете луны круженье снега под ветром напоминает ямщику, а потом и лирическому герою круженье адских призраков.

В «Бесах» создан символический образ мира, сбившегося с пути, и воссоздано состояние души, охваченной трагическими страстями. Вьюга символизирует Судьбу, силы, враждебные человеку, управляющие его